

ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ PROBLEMS OF SECURITY

Оригинальная статья/ Original article

Региональная ПРО США и их партнеров в западной части Тихого океана: влияние на региональную безопасность

© О.О. КРИВОЛАПОВ

Криволапов Олег Олегович, Институт США и Канады им. акад. Г.А. Арбатова Российской академии наук (Москва, Россия), o.krivolapov@iskran.ru. ORCID: 0000-0001-9658-2671

Китай обладает самым большим в мире арсеналом ракет с дальностью менее 5500 км. В 2019 г. США вышли из Договора о РСМД и приняли решение разворачивать такие ракеты в Восточной Азии. Параллельно Вашингтон планирует укрепить архитектуру ПРО ТВД в регионе. Цель статьи – определить, как усиление региональной ПРО США и их партнеров в Восточной Азии может повлиять на региональную безопасность. Исследование необходимо для понимания перспектив отношений в регионе ввиду наличия очагов потенциальных конфликтов в западной части Тихого океана. Представлен критический анализ вероятных действий Китая и США, оценено значение систем региональной ПРО и доктринальных положений о применении неядерных ракетных вооружений в возможных сценариях. Определены ситуации, в которых усиленная ПРО ТВД позволит США и их партнерам укрепить политику сдерживания в регионе, и сценарии, при которых она обострит ситуацию. Анализ доктринальных установок обеих сторон показывает, каким образом усиление региональной ПРО войск США и их партнеров может дестабилизировать обстановку. Сделан вывод, что ПРО ТВД, в отличие от мер контроля над вооружениями, нельзя считать надежным инструментом обеспечения региональной стабильности.

Ключевые слова: региональная ПРО, ПРО театра военных действий, сдерживание, политико-военный кризис, ядерное оружие, меры «до пуска», «активная оборона»

Цитирование: Криволапов О.О. (2023) Региональная ПРО США и их партнеров в западной части Тихого океана: влияние на региональную безопасность // Общественные науки и современность. № 3. С. 39–53. DOI: 10.31857/S0869049923030036, EDN: GHKWCV.

Regional Missile Defense Architecture of the US and Their Partners In the Western Pacific: Impact On Regional Security

© O. KRIVOLAPOV

Oleg O. Krivolapov, Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), o.krivolapov@iskran.ru. ORCID: 0000-0001-9658-2671

Abstract. China has the largest arsenal of missiles with a range of less than 5,500 km. In 2019, the US withdrew from the INF Treaty and decided to deploy the same kind of missiles in East Asia. At the same time Washington plans to strengthen the theater missile defense architecture in the region. The purpose of the article is to determine the potential impact of missile defense strengthening by the US and their partners in East Asia on regional security. It is necessary to understand the prospects of the situation, given the presence of several hotbeds of potential conflict in the Western Pacific. A critical analysis of the expected actions of China and the US in the region, the role of regional missile defense systems in those scenarios, and both sides' doctrines of non-nuclear missile use is provided. In certain situations, an enhanced theater missile defense could help the US and their partners to strengthen regional deterrence, but not in all situations. The analysis of both sides' doctrinal provisions help to understand how strengthening the regional missile defense by the US and their partners can destabilize the situation. It is concluded that theater missile defense, unlike arms control measures, is not a reliable tool for ensuring regional stability.

Keywords: regional missile defense, theater missile defense, deterrence, political-military crisis, nuclear weapon, left-of-launch, “active defense”

Citation: Krivolapov O. (2023) Regional Missile Defense Architecture of the US and Their Partners In the Western Pacific: Impact On Regional Security. *Obshchestvennyenauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 39–53. DOI: 10.31857/S0869049923030036, EDN: GHKWCV.

Введение

Проблему противоракетной обороны (ПРО) чаще всего обсуждают в контексте стратегических отношений США с Россией или с Китаем. Развитие стратегической ПРО считают фактором, который способен воспрепятствовать нанесению неприемлемого ущерба агрессору после его первого массированного ядерного удара – и, следовательно, подрыву стратегической стабильности. В то же время проблема ПРО существует не только на стратегическом уровне, но и на региональном. От развития событий на этом уровне зависит динамика военно-политического кризиса или конфликта между ядерными державами – в частности, КНР и США. Потенциальное столкновение между двумя странами в Азии может перейти на стратегический уровень. Соответственно, следует обратить внимание на специфику возможного военно-политического кризиса между КНР и США на региональном уровне.

С выходом из Договора о ликвидации ракет средней и малой дальности (ДРСМД) в 2019 г. США получили право разворачивать ракеты с дальностью до 5,5 тыс. км на наземных пусковых установках. Китай не был участником ДРСМД и активно наращивал арсенал данных вооружений. Кроме того, у обеих сторон есть ракеты морского и воздушного базирования. Для регионального сдерживания Пекина США считают необходимым развернуть и ракеты наземного базирования, и системы ПРО ТВД. В случае военно-политического кризиса в Восточной Азии одним из влиятельных факторов станет региональная

ПРО (ПРО театра военных действий, ПРО ТВД) войск США и их союзников¹. Подобные системы способны перехватывать баллистические ракеты (БР) дальностью менее 5,5 тыс. км, а также крылатые ракеты (КР) и гиперзвуковые ракеты различной дальности и типов базирования, которые стоят на вооружении у Национально-освободительной армии Китая (НОАК).

Многие зарубежные политические деятели, военные и эксперты считают ПРО ТВД более эффективным инструментом по сравнению со стратегической ПРО – чисто оборонительным инструментом, всегда способствующим только стабильности. В российской исследовательской литературе стратегическую ПРО называют дестабилизирующей [Rogov 2021], а региональный уровень проблемы рассматривается очень редко [Дворкин 2019]. Российские ученые прорабатывают общие вопросы военно-политического соперничества между США и КНР [Батюк 2019] – в частности, вокруг Тайваня [Каушин 2022], военной мощи [Yevtodyeva 2022] и стратегии Пекина [Stepanov 2020]. Китайские эксперты считают ПРО ТВД войск США и их партнеров не менее опасной для региональной стабильности, чем стратегическую ПРО США для стратегических ядерных сил КНР [Yan 1999; Zhao 2020].

Многие исследования о потенциальном конфликте между США и Китаем признают значимую роль ракетных вооружений, но фактор региональной ПРО учитывается лишь в некоторых работах общего плана [Heginbotham et al 2015] о возможных кризисах, вызванных ростом напряженности вокруг Тайваня [Thomas 2022; Pettyjohn et al 2022; O'Hanlon 2022; Cancian et al 2023], спорных островов в Восточно-Китайском [O'Hanlon 2019] и в Южно-Китайском морях [Bonds et al 2017]. Американские и японские авторы пишут о значимости ПРО ТВД для регионального сдерживания Китая [Roberts 2013; Einhorn, Pifer 2017; Krepinevich 2017; Obering, Heinrichs 2019; Heinrichs et al 2022], в том числе в контексте отношений США с союзниками [Koda 2016; Karako 2017; Schoff, Takahashi 2018; Arie, Yamaguchi 2018] и потенциального развертывания американских РСМД². Отдельные ученые разрабатывают модели применения американских систем ПРО ТВД в Восточной Азии, но с акцентом на технические факторы [Sankaran 2021].

Цель данной статьи – определить, как усиление архитектуры региональной ПРО войск США и их союзников повлияет на региональную безопасность. В рамках исследования предполагается ответить на следующие вопросы. Поможет ли усиление ПРО ТВД в западной части Тихого океана: (а) сдерживать предполагаемую США и их союзниками войсковую операцию НОАК с применением неядерных ракет? (б) сдерживать применение Китаем этих ракет в ядерном оснащении в рамках такой же операции? Подорвет или усилит региональную стабильность дополнительное развертывание ПРО ТВД?

Данное исследование проведено в рамках более широкой темы изучения влияния ПРО на региональную стабильность (см., например, [Krivolapov 2022a]). За пределами статьи остаются вопросы о влиянии ПРО США на возможности Китая нанести ответный ядерный удар по континентальной территории США. Политические события на Тайване и в отношениях между КНР, США, а также другими странами региона, которые могут при-

¹ С учетом имеющихся у КНР ракет с дальностью до 5,5 тыс. км для усиления архитектуры региональной ПРО США могут использовать системы ПРО Aegis морского базирования с противоракетами SM-2, SM-6 и SM-3 различных модификаций, мобильные системы ПРО наземного базирования (THAAD, Patriot и произведенные на Тайване системы Tien Kung III). О планах усиления американской региональной архитектуры ПРО в западной части Тихого океана в 2020-е гг. автор высказывался ранее в [Krivolapov 2022b].

² Murano M. Ensuring Indo-Pacific Security Post INF. Real Clear Defense. 30.07.2019. (https://www.realcleardefense.com/articles/2019/07/30/ensuring_indo-pacific_security_post_inf_114624.html).

вести к острому военно-политическому кризису, заслуживают отдельного анализа вне данной работы.

Кроме того, Пекин и Вашингтон рассматривают применение силы в случае кризиса как политический вопрос. Китайские и американские военные находятся под строгим контролем гражданских властей (особенно в кризисный период) и не уполномочены самостоятельно принимать решения о применении наступательных сил и средств. Соответственно, организационно-штатная структура, типы наступательных ракет и расположение подразделений также остаются вне предмета данной статьи (подробнее см. [Mihal 2021]).

В теории сдерживания (Р. Джервис, Т. Шеллинг, Г. Снайдер и мн. др.) исследуют пути, посредством которых субъект манипулирует угрозой нанесения ущерба, чтобы заставить других действовать в его интересах [Jervis 1979, 292]. Выделяют два типа сдерживания: «через наказание» (deterrence by punishment) и «через препятствование» (deterrence by denial) [Snyder 1960, 163]. Системы региональной ПРО относятся к последнему типу.

Под «региональным сдерживанием» имеют в виду меры, которые относятся к определенному региону. Данное исследование сфокусировано на Восточной Азии, а также на акваториях и островах Южно-Китайского и Восточно-Китайского морей – в том числе на Тайване.

Согласно теории сдерживания, роль ПРО ТВД в региональном сдерживании зависит от следующих факторов: мотивация сторон к применению ракетных вооружений (конкретные региональные и стратегические обстоятельства); возможностям систем ПРО ТВД (результаты испытаний на полигоне и в реальном бою; качественные и количественные параметры ракетного арсенала противника); восприятие двух первых факторов обеими сторонами противостояния. Данные обстоятельства могут повлиять на принятие политических решений о дополнительном развертывании ракетных и противоракетных систем. Объективное, рациональное и универсальное восприятие ситуации всегда затруднено целым рядом естественных ограничителей, в том числе субъективных [Jervis 1982, 21–30]. В период военно-политического кризиса возможности принятия взвешенного и рационального решения объективно снижены из-за необходимости реагировать на быстро изменяющуюся ситуацию.

«Военно-политический кризис» можно определить как ситуацию высокого риска вооруженного столкновения из-за исключительно низкого уровня доверия между сторонами противостояния. Высокий риск непреднамеренного столкновения возникает из-за недопонимания намерений какой-либо из сторон, нехватки информации и ухудшенной коммуникации между ними. Также хотя бы одна из сторон должна испытывать страх внезапного нападения, который заставляет действовать на опережение [Schelling 2008, 95–101]. Под «региональной стабильностью» в данном исследовании понимается отсутствие военно-политического кризиса.

Стороны могут иметь искаженные представления не только о намерениях и «красных линиях» потенциального противника, но и о реальных возможностях ракетных и противоракетных систем своих и противостоящей стороны. Лишь некоторые из систем ПРО ТВД были с той или иной степенью успеха испытаны в боевых условиях. Системы Patriot, THAAD, С-300/С-400 и «Железный купол» подтвердили свою эффективность против одиночных БР с дальностью от 100–1000 км и некоторых КР. Выводы об эффективности остальных систем региональной ПРО делают лишь на основе испытаний с ограниченной (в том числе по требованиям безопасности) реалистичностью. В результате возникает неопределенность: политическое руководство стран, обладающих ракетными и противоракетными системами, и их потенциальные противники могут по-разному интерпретировать возможности этих систем.

Роль ПРО ТВД в сдерживании

США предполагают, что Ракетные войска НОАК обладают значительным количеством ракет (см. таб. 1). К данным вооружениям следует добавить неустановленное количество КР морского базирования (КРМБ) и КР воздушного базирования (КРВБ), стоящих на вооружении в ВМС и ВВС НОАК. Все три составленных в США «Обзора ПРО» (2010, 2019 и 2022 гг.) называли ракеты морского, воздушного и наземного базирования (КРНБ) с дальностью менее 5,5 тыс. км угрозой для войск США и их союзников.

Таблица 1

Количество ракет с дальностью 300–5500 км в Ракетных войсках НОАК

Table 1

Quantity of missiles of 300–5500 km range in PLA Rocket Forces

Дальность, км	Пусковые установки	Ракеты
БР, 3000–5500 км	250	250+
БР, 1000–3000 км	250	500+
БР, 300–1000 км	200	600+
КРНБ, >1500 км	100	300+

Источник: *Military and Security Developments Involving the People's Republic of China. U.S. Department of Defense. 2022. P. 167.*

Source: *Military and Security Developments Involving the People's Republic of China. U.S. Department of Defense. 2022. P. 167.*

В документе 2010 г. Вашингтон назвал региональную ПРО одним из ключевых элементов политики регионального сдерживания Китая³. Системы ПРО ТВД должны заставить военно-политическое руководство КНР сомневаться в успехе потенциальной ракетной атаки. США же получают дополнительное время и варианты ответа на агрессию помимо нанесения удара. В случае, если сдерживание не увенчается успехом, – США смогут отразить атаку и противодействовать потенциалу Китая по «перекрытию доступа»⁴. Также США сохраняют свободу перемещения сил и средств своих и союзников в регион и внутри него⁵. Некоторые эксперты считают, что региональная ПРО может поднять порог применения ракетных вооружений, заставляя потенциального агрессора либо разворачивать больше комплексов для гарантированного нанесения заданного ущерба, либо отказаться от планов нападения⁶. Ракеты с дальностью менее 5,5 тыс. км представляют собой ключевое средство поддержки и выполнения любой масштабной военной операции для Пекина. Соответственно, от успеха сдерживания применения этих ракет зависит успех предот-

³ Ballistic Missile Defense Review Report. U.S. Department of Defense. 2010. P. 7.

⁴ В «потенциал ограничения маневра/перекрытия доступа» (anti-access/area denial, A2/AD) наряду с системами ПВО/ПРО входят противокорабельные береговые ракетные комплексы и различные типы ракет с дальностью менее 5,5 тыс. км наземного, морского и воздушного базирования, которые можно применять для изоляции потенциального театра военных действий. Подробнее об этом: [Yevtodyeva 2022].

⁵ 2019 Missile Defense Review. U.S. Department of Defense. Pp. 2, 29, 46; 2022 Missile Defense Review. U.S. Department of Defense. Pp. 1, 5, 8, 11.

⁶ Гражданские эксперты по-разному оценивают эффективность ПРО ТВД в региональном сдерживании. Подробный анализ и критический разбор тезисов администрации США и основных групп экспертов, в частности, насчет КНР, был проведен автором ранее в [Криволапов 2021].

вращения предполагаемой китайской агрессии в рассматриваемом регионе. США и их союзники считают ПРО ТВД одним из важнейших средств не дать Китаю применить указанные ракеты для того, чтобы путем шантажа вытеснить США из Восточной Азии или нанести иной вред американским интересам.

Среди сценариев использования Китаем ракет эксперты и военные США и их партнеров называют силовой захват Тайваня, установление контроля КНР над спорными островами Сенкаку (Дяоюйдао) в Восточно-Китайском море и борьбу за спорные воды и острова в Южно-Китайском море. Наиболее вероятными целями ракетной атаки со стороны Китая считаются корабли американских авианосных ударных групп (АУГ) и союзных флотов, военные объекты США и их партнеров на о. Гуам, в Японии [Shugart, Gonzalez 2017] и на Тайване. К таким объектам относятся радары, средства радиоэлектронной/радиотехнической разведки (РЭР/РТР), радиоэлектронной борьбы (РЭБ), ПВО/ПРО, авиационные, морские и ракетные базы, командные центры, склады и транспортные узлы. Уничтожение этих целей позволит нарушить управление, подавить оперативную мощь и выиграть время для действий других сил НОАК⁷. Дополнительные системы ПРО ТВД должны усилить защиту именно этих объектов [Roberts 2013, 11; Einhorn, Pifer 2017, 24; Bonds et al 2017, 134; Krepinevich 2017, 81; Obering, Heinrichs 2019, 49].

Военно-политическое руководство США уверено в эффективности систем региональной ПРО против и неядерных, и ядерных ракет. Также Вашингтон считает, что региональная ПРО существенно усиливает ядерное сдерживание на региональном уровне⁸. Анализируя роль ПРО ТВД, необходимо принимать во внимание два обстоятельства. Во-первых, Китай придерживается доктрины неприменения ядерного оружия (ЯО) первым. Военные США считают, что Китай может применить его первым, если столкнется с угрозой потери своих стратегических ядерных сил или если поражение в конфликте на неядерном уровне будет угрожать существованию Китая⁹. Однако гражданские эксперты показали, что даже в таких ситуациях Китай может не применить ЯО первым по целому ряду причин (подробнее см. [Cunningham, Fravel 2019]). В случае же ядерного удара по силам и средствам НОАК американские системы ПРО ТВД не удержат Пекин от применения своих, например, ядерных РСМД.

Во-вторых, хотя результаты применения систем ПРО ТВД на испытаниях выше показателей систем стратегической ПРО США, они все же не гарантируют перехват, например, ядерной БРМД со средствами преодоления ПРО (ложные цели, маневрирующие боеголовки, средства РЭБ)¹⁰. Одна ядерная боеголовка, если она преодолела ПРО, может обернуться катастрофическими последствиями для обороняющейся стороны. Принимая решение использовать ЯО первым, Пекин будет исходить из достаточной вероятности преодоления ПРО ТВД. Соответственно, такие системы вряд ли смогут сдержать применение ядерных ракет с дальностью менее 5,5 тыс. км.

⁷ Китай также указывает эти объекты в своих официальных публикациях по военной стратегии. См. неофициальные переводы: Science of Military Strategy, 2013. In Their Own Words: Foreign Military Thought, Montgomery, AL: China Aerospace Studies Institute. P. 297; Science of Military Strategy, 2020, In Their Own Words: Foreign Military Thought, Montgomery, AL: China Aerospace Studies Institute. Pp. 376, 398.

⁸ 2019 Missile Defense Review. P. 27.

⁹ См., например, Military and Security Developments Involving the People's Republic of China... P. 95.

¹⁰ Подробнее о дискуссиях об эффективности различных систем ПРО США – Aegis [Erasto 2017, 2], Patriot [Williams, Shaikh 2020, 24–25] и THAAD (Coyle P. US builds missile defense system for South Korea, causing more tension. The Hill. 18.03.2017. (<https://thehill.com/blogs/pundits-blog/foreign-policy/324610-us-builds-missile-defense-system-for-south-korea-but-just/>)).

Сложнее предсказать результат применения Китаем неядерных ракет. Ущерб от них меньше, чем от ядерных, и его можно сократить, используя ПРО ТВД. По прогнозу экспертов и военных США и их партнеров, при наличии американских систем региональной ПРО руководство КНР проведет множественные пуски, чтобы гарантированно уничтожить намеченные объекты и быстро завершить войсковую операцию. С учетом величины китайского арсенала перехватить все ракеты, которые НОАК будет запускать в течение продолжительного времени, станет сложно. Речь идет лишь о том, чтобы на какое-то время обеспечить работу ключевых военных объектов в условиях ракетной атаки, максимально сократив ущерб [Heinrichs et al 2022, 14, 15–18, 34, 40]. Одновременно, согласно концепции «уничтожения ракет» (missile defeat), США и их союзники будут подавлять наземные пусковые установки противника и другие носители ракетных вооружений (самолеты, корабли, подводные лодки), которые атакуют их объекты. Нарращивая арсенал неядерных ракет в количественном и качественном отношении (включая БРСД с гиперзвуковыми планирующими блоками), НОАК КНР вполне может исходить из возможности преодолеть средства ПРО ТВД войск США и их партнеров.

Допустим тезис экспертов из США и государств-партнеров о том, что только Пекин имеет агрессивные намерения в регионе и время для подготовки удара, а его региональные оппоненты не предпринимают никакие агрессивные шаги. Для гарантии успеха Пекин пойдет на проведение быстрой операции только при наличии у него достаточного, по его мнению, ракетного арсенала, который позволит преодолеть региональную ПРО войск США и их партнеров.

Согласно теории сдерживания, если у Пекина есть мотивация применить ракеты и определенные представления о возможностях своего ракетного арсенала (количественных и качественных, например, с участием гиперзвуковых ракет), то системы ПРО ТВД войск США и их партнеров не смогут сдержать применение Пекином этих ракет в неядерном оснащении.

Возможна ситуация, когда у китайской стороны проявится воля применить ракетные вооружения против американских объектов, но она не будет уверена в возможности преодолеть системы региональной ПРО противника. Подобная ситуация может возникнуть, например, из-за отсутствия необходимого количества ракет нужных типов для гарантированного уничтожения ключевых объектов неприятеля. Так как Пекин заинтересован в быстрой операции, наличие американских и союзных им систем ПРО ТВД, превосходящих возможности китайского ракетного арсенала, может сдержать китайское наступление¹¹. Однако в случае агрессивных намерений Китая, согласно данному сценарию, пойдет на дополнительное развертывание указанных ракет в районе. Соответственно, вопрос о влиянии ПРО ТВД на региональную стабильность остается открытым.

Влияние ПРО ТВД на региональную стабильность

Под сдерживанием можно понимать противодействие четко сформировавшемуся у потенциального агрессора намерению. Соответственно, стабильность (отсутствие кризиса) – это отсутствие стимула к агрессии у какой-либо из сторон. Допустим ситуацию, где у Пекина изначально отсутствуют намерения захватить Тайвань или Сенкаку. Силы НОАК на территории Китая и островах в Южно-Китайском море выполняют только обо-

¹¹ Один из главных тезисов китайских официальных публикаций по военной стратегии заключается в том, что НОАК нужно избегать столкновения, если нет уверенности в победе. Перед началом наступления необходимо сосредоточить силы, превосходящие потенциал противника. См. Science of Military Strategy. 2013... P. 59.

ронительные задачи. При таких условиях обострит ли обстановку в регионе дальнейшее усиление ПРО ТВД войск США и их партнеров?

Чтобы ответить на данный вопрос, необходимо учитывать два обстоятельства. Во-первых, КНР сосредоточила в регионе огромное количество систем ПРО ТВД – по данным западных аналитиков, порядка 670 систем ПВО/ПРО большой дальности по состоянию на конец 2022 г.¹². Они считаются частью потенциала «перекрытия доступа». США и их партнеры установили в регионе около 400 сопоставимых систем ПРО ТВД наземного базирования и порядка 38 кораблей с системами Aegis¹³.

При сравнении сил нужно учитывать, что, во-первых, корабли с системами Aegis должны решать широкий спектр задач (ПВО/ПРО, противолодочная борьба, удары по наземным целям с применением КРМБ). Во-вторых, американские, южнокорейские и японские системы региональной ПРО также обеспечивают защиту от потенциальных ракетных атак со стороны Северной Кореи. В результате в настоящее время Китай обладает преимуществом по системам ПРО ТВД в регионе, и Пекин может не реагировать на наращивание архитектуры региональной ПРО войск США и их партнеров.

Также следует учитывать, как Китай воспринимает появление в регионе дополнительных американских и союзных им систем ПРО ТВД. По мнению китайских экспертов, усиление архитектуры ПРО в западной части Тихого океана может дать американцам и их партнерам ложное чувство защищенности и стать предпосылкой для эскалации с их стороны [Yan 1999, 72; Zhao 2020, 24–25]. Такими шагами могут стать попытки США защитить Тайвань в случае объявления им независимости, усилить контроль над островами Сенкаку или потеснить НОАК в Южно-Китайском море. Агрессивные действия со стороны США и их партнеров маловероятны, но развертывание американских ракет с дальностью до 5,5 тыс. км и усиление региональной ПРО может повлиять на расстановку сил в регионе, а также на то, как ее воспринимают потенциальные стороны противостояния.

В официальных китайских публикациях по военной стратегии говорится, что неядерные ракеты КНР выступают как инструмент сдерживания вероятных оппонентов и предотвращения войны¹⁴, а развертывание американских и союзных им систем ПРО ТВД нарушит баланс взаимного – в том числе ядерного – сдерживания¹⁵. Из данного утверждения следует вывод о том, что нужно наращивать арсенал неядерных ракет¹⁶ – и качественно, и количественно¹⁷.

Оценивая влияние ПРО ТВД на региональную стабильность, необходимо учитывать и военно-стратегические установки, которыми руководствуется Пекин, и специфическое восприятие их в Вашингтоне. Эксперты и военные США в своих документах утверждают, что принятая Китаем концепция «активной обороны» предполагает нанесение упреждаю-

¹² 32 единицы у ВМС НОАК и более 638 у ВВС НОАК (С-400, С-300ПМУ1/ПМУ 2, НQ-9/НQ-9В, НQ-22). См. [Military Balance 2023, 242, 243].

¹³ США: около половины из 48 кораблей с Aegis находятся в Тихом океане (базы на Гавайях, Гуаме и в Японии), из них на дежурстве в портах Японии стоят 8 эсминцев и 3 крейсера. См. [Military Balance 2023, 48]. Системы ТНААД развернуты в Южной Корее и на Гуаме (итого 12 систем), около 36 систем Patriot расположены в Японии, еще около 48 систем Patriot – в Южной Корее. Япония: 8 кораблей с Aegis, 120 систем Patriot. Южная Корея: 3 корабля с Aegis, 48 систем Patriot. Тайвань: 72 системы Patriot, 50 систем Tien Kung II, около 20 систем Tien Kung III. Австралия: 3 корабля с Aegis. См. [Military Balance 2023, 231, 259, 260, 261, 266, 268, 269, 293].

¹⁴ Science of Military Strategy. 2020... P. 389.

¹⁵ Science of Military Strategy. 2013... P. 215, 269; Science of Military Strategy, 2020... P. 384.

¹⁶ Science of Military Strategy. 2013... P. 294.

¹⁷ Science of Military Strategy. 2020... P. 385, 389.

шего неядерного удара по американским и союзным им войскам¹⁸. США учитывают, что удары неядерным оружием по вышеупомянутым объектам могут привести к утрате инициативы из-за временной потери оперативного управления, а также к утрате части сил и средств. Помимо прочего, такие атаки создают условия для действий НОАК, которые поставят Вашингтон и его партнеров перед свершившимся фактом достижения Китаем своих целей на Тайване или на Сенкаку.

В официальных китайских публикациях по военной стратегии есть тезисы как в поддержку упреждающих неядерных ударов¹⁹, так и против них²⁰. Однако сама позиция американских военных (Китай склонен нанести упреждающий неядерный удар) дестабилизирует ситуацию. В условиях военно-политического кризиса Вашингтон может начать действовать на опережение.

Американская стратегия ПРО допускает возможность нанести упреждающий неядерный удар по готовому, по мнению США, к ракетной атаке противнику. Наступательные операции считаются частью интегрированной ПВО/ПРО²¹. Одним из оснований для применения таких мер считают наличие у противника большого ракетного арсенала²², объективно превосходящего количество противоракет у США и их партнеров. Такие меры ПРО «допуска» (left of launch) могут быть предприняты и до начала вооруженного конфликта, и после его начала²³. В военной стратегии США ракеты с дальностью менее 5,5 тыс. км (крылатые дозвуковые, перспективные баллистические и гиперзвуковые) любых типов базирования и архитектура региональной ПРО представляют собой две важнейшие части интегрированного сдерживания на региональном уровне. Китайские эксперты оценивают такую интеграцию как агрессивную и дестабилизирующую [Zhao 2020, 42].

Согласно теории сдерживания, перечисленные во введении черты военно-политического кризиса приводят к нескольким последствиям. К ним относится, во-первых, неправильная оценка намерений противника. Стороны могут приписывать друг другу агрессивные замыслы, даже если таковых изначально не было, и исходить из этого при принятии решений. В итоге действия, которые изначально были предприняты, чтобы сдержать оппонента, могут, наоборот, спровоцировать атаку с его стороны. Противник может воспринимать такие шаги как целенаправленное давление, а ситуацию – как безвыходную [Jervis 1982, 13; Snyder 1960, 166; Schelling 2008, 225]. Соответственно, в условиях военно-политического кризиса у него может возникнуть стимул для ракетной атаки или наступательной операции, которого изначально не было.

Во-вторых, к последствиям относится цикл «действие – противодействие» в сфере наращивания вооружений по мере стягивания новых сил и средств (в том числе систем ПРО ТВД). Хотя бы одна из сторон считает (корректно или ошибочно), что статус-кво в

¹⁸ См., например, Military and Security Developments Involving the People's Republic of China. Pp. 35–36; [Shugart, Gonzalez 2017, 2]; Takahashi S., Sayers E. America and Japan in a post-INF world. War on the Rocks. 08.03.2019.

¹⁹ Science of Military Strategy. 2013. Pp. 58, 60. Анализ мнений китайских экспертов о применимости неядерных ракет, чтобы разубедить противника продолжать эскалацию, представлен в [Cunningham, Fravel 2019, 98, 103], об упреждающих ударах по радарам и системам ПРО – в [Zhao 2020, 7–8, 26, 48].

²⁰ Science of Military Strategy. 2020. Pp. 32, 133. Подробнее о военной стратегии КНР в целом см. [Fravel 2019; Stepanov 2020].

²¹ 2022 Missile Defense Review. P. 8.

²² 2019 Missile Defense Review. P. 60.

²³ Unclassified Report to Congress, Declaratory Policy, Concept of Operations, and Employment Guidelines for Left-of-Launch Capability. U.S. Department of Defense, Joint Chiefs of Staff. 10.05.2017. P. 1.

регионе меняется в неблагоприятную для нее сторону, а агрессия оппонента (даже в форме ограниченного неядерного удара) неизбежна. В такой ситуации возможны два варианта развития событий. При первом военно-политическое руководство КНР уверено в том, что их ракетный арсенал способен преодолеть региональную ПРО войск США и их партнеров и нанести заданный ущерб. Тогда у КНР нет стимула наращивать ракетный арсенал, а вероятность эскалации снижена. Во втором случае Китай не уверен в возможностях своих ракет и продолжает их качественное и количественное наращивание в районе. В ситуации, если США уверены в возможностях своей архитектуры региональной ПРО, у них нет стимула ее усиливать – соответственно, тогда КНР незачем разворачивать новые ракеты в районе. В обратном случае архитектура ПРО США будет усилена, и КНР продолжат наращивать свой ракетный арсенал.

В-третьих, допустим, что сторона А исходит из того, что сторона Б намерена стремительным ударом парализовать боевое управление силами на ТВД и уничтожить хотя бы часть ракет стороны А до их пуска, а также предпринимает подготовительные меры для этого. Тогда у стороны А возникает дилемма «используй или потеряешь», и она начнет готовить упреждающий удар. Сторона Б воспримет такие действия как создание условий для заранее спланированной неспровоцированной агрессии. Одна из сторон может интерпретировать шаги по подготовке к защите как подготовку к нападению. Одной из целей для ограниченного неядерного удара, который разубедит противника продолжать эскалацию, могут стать недавно развернутые в регионе элементы ПРО ТВД. Решение об ограниченных ударах по военным объектам и технике другого государства может быть принято только в случае, если ситуацию воспринимают как безвыходную. Тогда системы ПРО этих объектов не смогут сдержать атаку неядерных ракет. При таком сценарии усиление ПРО ТВД дестабилизирует обстановку в регионе.

Заключение

Специфика ядерной доктрины КНР и дискуссии об эффективности ПРО ТВД против ядерных ракет с дальностью менее 5,5 тыс. км указывают на то, что усиление региональной ПРО войск США и партнеров в западной части Тихого океана не сможет сдержать Китай от применения указанных типов ракет в ядерном оснащении. Усиление архитектуры американских и союзных им систем ПРО ТВД в регионе может сдержать применение Китаем неядерных ракет. Однако в таком случае КНР продолжит наращивать арсенал неядерных ракет, что отрицательно повлияет на региональную стабильность.

Анализ доктринальных положений США и Китая о применении неядерных ракетных вооружений и фактор специфического восприятия этих доктрин сторонами противостояния говорит о том, что усиление архитектуры региональной ПРО войск США и их партнеров может отрицательно влиять на региональную стабильность. Укрепление региональной стабильности при наличии ПРО ТВД возможно в ситуации, когда ни одна из сторон не имеет стимула наращивать вооружения в регионе. Данный сценарий возможен при сочетании ряда обстоятельств: военно-политическое руководство Китая уверено в возможностях своего ракетного арсенала преодолеть региональную ПРО войск США и их партнеров и нанести заданный ущерб; США абсолютно убеждены в возможностях своих систем ПРО ТВД отразить атаку или минимизировать ущерб от нее; КНР не разворачивает дополнительные системы ПВО/ПРО и другие обычные вооружения в регионе; США и их союзники не размещают ракеты с дальностью менее 5,5 тыс. км и не стягивают к региону другие свои силы и средства. Последние два обстоятельства маловероятны: США с 2019 г. последовательно движутся к разворачиванию таких ракет

наземного базирования²⁴. Китай, соответственно, мотивирован продолжать развивать свою архитектуру ПВО/ПРО.

Восточная Азия чрезвычайно важна для экономического развития КНР и США. Ни одна из сторон не заинтересована в применении даже тактического ядерного оружия в этом регионе. Однако они внимательно наблюдают за применением неядерных ракетных вооружений и систем ПВО/ПРО в ходе специальной военной операции на Украине, а также в конфликтах низкой интенсивности в различных районах Ближнего Востока. Военные и эксперты США и КНР видят, что высокоточные неядерные ракеты позволяют наносить ограниченный, но политически чувствительный урон потенциальному противнику с относительно небольшими или даже нулевыми человеческими потерями. Такие атаки могут уничтожить военный корабль, радар, средства РЭР/ПТР и РЭБ, на время вывести из строя аэродромы, сети боевого управления или элементы энергетической инфраструктуры. Они также позволяют угрожать нанесением подобного удара. В данном контексте развитие технологий ПРО, которые защищают от ракет с дальностью менее 5,5 тыс. км, опасно. Такие системы расширяют возможность (или иллюзию возможности) ведения ограниченного вооруженного конфликта с применением неядерных средств, балансируя на грани большой (или даже ядерной) войны, чтобы вынудить оппонента уступить. Соответственно, усиление региональной ПРО, которая на первый взгляд имеет исключительно оборонительный характер, не может быть надежным инструментом стабилизации при возможности наращивания остальных вооружений в регионе. Различные меры контроля над вооружениями остаются единственным способом укрепления региональной стабильности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Батюк В.И. (2019) Американо-китайские отношения: возвращение холодной войны? // США & Канада: экономика – политика – культура. № 5. С. 22–38. DOI: 10.31857/S032120680004909-3.

Дворкин В.З. (2019) Влияние систем ПРО на стратегическую стабильность и перспективы ядерного разоружения // Мировая экономика и международные отношения. № 8. С. 5–12. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-8-5-12.

Кашин В.Б. (2022) Обострение военно-политической ситуации вокруг Тайваня в 2022 г.: причины и перспективы развития // Пути к миру и безопасности. № 2. С. 188–203. DOI: 10.20542/2307-1494-2022-2-188-203.

Криволапов О.О. (2021) Дискуссии о роли американской ПРО театра военных действий в региональном сдерживании России и Китая // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. № 1. С. 58–84. DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-1-58-84.

Arie K., Yamaguchi N. (2018) U.S. Initiative for Integrated Air and Missile Defense (IAMD) // NIDS Journal of Defense and Security. No. 19. Pp. 17–36.

Bonds T. et al (2017) What Role Can Land-Based, Multi-Domain Anti-Access/Area Denial Forces Play in Deterring or Defeating Aggression? Santa Monica: RAND Corporation.

Cancian M. et al (2023) The First Battle of the Next War: Wargaming a Chinese Invasion of Taiwan. Washington, DC: Center for Strategic & International Studies.

Cunningham F., Fravel M.T. (2019) Dangerous Confidence? Chinese Views on Nuclear Escalation // International Security. Vol. 44. No. 2. Pp. 61–109. https://doi.org/10.1162/isec_a_00359.

²⁴ Baldor L. Esper: US to soon put intermediate range missiles in Asia. The Associated Press. 04.08.2019. (<https://apnews.com/article/cold-war-asia-pacific-russia-china-asia-6cadb0920cb8440aa4fb7e8691d66d3a>).

- Einhorn R., Pifer S. (2017) *Meeting U.S. Deterrence Requirements Toward a Sustainable National Consensus*. Washington, DC: The Brookings Institution.
- Erästö T. (2017) *Between the Shield and the Sword: NATO's Overlooked Missile Defense Dilemma*. San Francisco, CA: Ploughshares Fund.
- Fravel M.T. (2019) *Active Defense: China's Military Strategy Since 1949*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Heinrichs R. et al (2022) *Defending Guam*. Washington, DC: Hudson Institute.
- Heginbotham E. et al (2015) *The U.S.-China Military Scorecard*. Santa Monica: RAND Corporation.
- Jervis R. (1979) *Deterrence Theory Revisited: Review Article // World Politics*. Vol. 31. No. 2. Pp. 289–324.
- Jervis R. (1982) *Deterrence and Perception // International Security*. Vol. 7. No. 3. Pp. 3–30.
- Karako T. (2017) *The Future of Missile Defense in the Asia Pacific*. Washington, DC: Center for Strategic & International Studies.
- Koda Y. (2016) *U.S.-Japan Alliance: Responding to China's A2/AD Threat*. Washington, DC: Center for a New American Security.
- Krepinevich A. (2017) *Archipelagic Defense: The Japan-U.S. Alliance and Preserving Peace and Stability in the Western Pacific*. Tokyo: The Sasakawa Peace Foundation.
- Krivolapov O. (2022a) *The Influence of NATO Regional Missile Defense on European Security // Herald of the Russian Academy of Sciences (Suppl. 4)*. Vol. 92. Pp. S301–S307. DOI: 10.1134/S1019331622100100.
- Krivolapov O. (2022b) *The Upcoming 2022 Missile Defense Review and the Missile Defense Policy of the Biden Administration // Herald of the Russian Academy of Sciences (Suppl. 15)*. Vol. 92. Pp. S1458–S1465. DOI: 10.1134/S101933162221016X.
- The Military Balance (2023) London, UK: International Institute for Strategic Studies. 510 p.
- Mihal C. (2021) *Understanding the People's Liberation Army Rocket Force: Strategy, Armament, and Disposition // Military Review*. Vol. 101-SE. September Special Edition. Pp. 220–234.
- O'Hanlon M. (2019) *The Senkaku Paradox. Risking Great Power War Over Small Stakes*. Washington, DC: Brookings Institution.
- O'Hanlon M.(2022) *Can China Take Taiwan? Why No One Really Knows*. Washington, DC: The Brookings Institution.
- Obering H., Heinrichs R. (2019) *Missile Defense for Great Power Conflict: Outmaneuvering the China Threat // Strategic Studies Quarterly*. Vol. 13. Issue 4. Pp. 37–56.
- Pettyjohn S. et al (2022) *Dangerous Straits: Wargaming a Future Conflict over Taiwan*. Washington, DC: Center for a New American Security.
- Roberts B. (2013) *Extended Deterrence and Strategic Stability in Northeast Asia // NIDS Visiting Scholar Paper Series*. No. 1.
- Rogov S. (2021) *Global and Regional Stability in the Nuclear World // Herald of the Russian Academy of Sciences*. No. 3. Pp. 374–387. DOI: 10.1134/S101933162103014X.
- Sankaran J. (2021) *Missile Wars in the Asia Pacific: The Threat of Chinese Regional Missiles and U.S.-Allied Missile Defense Response // Asian Security*. Vol. 17. Issue 1. Pp. 25–45. DOI: 10.1080/14799855.2020.1769069.
- Schelling T. (2008) *Arms and Influence*. New Haven: Yale University Press.
- Schoff J., Takahashi S. (2018) *Strengthening U.S.-Japan Alliance Deterrence*. Tokyo: The Sasakawa Peace Foundation.
- Shugart T., Gonzalez J. (2017) *First Strike: China's Missile Threat to U.S. Bases in Asia*. Washington, DC: Center for a New American Security.
- Snyder G. (1960) *Deterrence and Power // The Journal of Conflict Resolution*. Vol. 4. No. 2. Pp. 163–178.
- Stepanov A. (2020) *China's Concept of Military Security // Russia in Global Affairs*. No. 2. Pp. 188–216. DOI: 10.31278/1810-6374-2020-18-2-188-216.

Thomas J. (2022) Bold and Unprecedented Moves: Building a US-Taiwan Defense Strategy in the Strait of Taiwan and South China Sea // *Journal of Indo-Pacific Affairs*. May.

Zhao Tong (2020) *Narrowing the U.S.-China Gap on Missile Defense*. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace.

Williams I., Shaikh S. (2020) *The Missile War in Yemen*. Washington, DC: Center for Strategic & International Studies.

YanXuetong (1999) Theatre Missile Defense and Northeast Asian Security // *The Nonproliferation Review*. Vol. 6. No. 3. Pp. 65–74.

Yevtodyeva M. (2022) Development of the Chinese A2/AD System in the Context of US-China Relations // *Herald of the Russian Academy of Sciences (Supp. 6)*. Vol. 92. Pp. S534-S542. DOI: 10.1134/S1019331622120048.

REFERENCES

Arie K., Yamaguchi N. (2018) U.S. Initiative for Integrated Air and Missile Defense (IAMD). *NIDS Journal of Defense and Security*. no. 19, pp. 17–36.

Batyuk V.I. (2019) Amerikano-kitaiskie otnosheniya: vozvraschenie holodnoi voyny? [U.S.-Chinese Relations: Is the Cold War Coming Back?]. *SSHA & Kanada: ekonomika – politika – kul'tura*. no. 5, pp. 22–38. DOI: 10.31857/S032120680004909-3.

Bonds T. et al. (2017) *What Role Can Land-Based, Multi-Domain Anti-Access/Area Denial Forces Play in Deterring or Defeating Aggression?* Santa Monica: RAND Corporation.

Cancian M. et al. (2023) *The First Battle of the Next War: Wargaming a Chinese Invasion of Taiwan*. Washington, DC: Center for Strategic & International Studies.

Cunningham F., Fravel M.T. (2019) Dangerous Confidence? Chinese Views on Nuclear Escalation. *International Security*. vol. 44, no. 2, pp. 61–109. https://doi.org/10.1162/isec_a_00359.

Dvorkin V. (2019) Vliyanie system PRO na strategicheskuyu stabilnost' perspektivy yadernogo razoruzheniya [Impact of Missile Defense Systems on Strategic Stability and Prospects for Nuclear Disarmament]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. no. 8, pp. 5–12. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-8-5-12.

Einhorn R., Pifer S. (2017) *Meeting U.S. Deterrence Requirements Toward a Sustainable National Consensus*. Washington, DC: The Brookings Institution.

Erästö T. (2017) *Between the Shield and the Sword: NATO's Overlooked Missile Defense Dilemma*. San Francisco, CA: Ploughshares Fund.

Fravel M.T. (2019) *Active Defense: China's Military Strategy Since 1949*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Heinrichs R. et al (2022) *Defending Guam*. Washington, DC: Hudson Institute.

Heginbotham E. et al (2015) *The U.S.-China Military Scorecard*. Santa Monica: RAND Corporation.

Jervis R. (1979) Deterrence Theory Revisited: Review Article. *World Politics*. vol. 31, no. 2, pp. 289–324.

Jervis R. (1982) Deterrence and Perception. *International Security*. vol. 7, no. 3, pp. 3–30.

Karako T. (2017) *The Future of Missile Defense in the Asia Pacific*. Washington, DC: Center for Strategic & International Studies.

Kashin V.B. (2022) Obostrenie voenno-politicheskoi situatsii vokrug Taivanya v 2022 godu: prichiny i perspektivy razvitiya [The 2022 Escalation of the Military and Political Situation around Taiwan: Causes and Prospects for Further Evolution]. *Puti k miru i bezopasnosti*. no. 2, pp. 188–203. DOI: 10.20542/2307-1494-2022-2-188-203.

Koda Y. (2016) *U.S.-Japan Alliance: Responding to China's A2/AD Threat*. Washington, DC: Center for a New American Security.

Krepinevich A. (2017) *Archipelagic Defense: The Japan-U.S. Alliance and Preserving Peace and Stability in the Western Pacific*. Tokyo: The Sasakawa Peace Foundation.

Krivolapov O. (2021) Discussii o roli amerikanskoi PRO teatra voennykh deistvii v regionalnom sderzhivanii Rossii i Kitaya [Debates on the Role of the U.S. Theater Missile Defense in Regional Deterrence of Russia and China]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika*. no. 1, pp. 58–84. DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-1-58-84.

Krivolapov O. (2022a) The Influence of NATO Regional Missile Defense on European Security. *Herald of the Russian Academy of Sciences (Suppl. 4)*. vol. 92, pp. S301–S307. DOI: 10.1134/S1019331622100100.

Krivolapov O. (2022b) The Upcoming 2022 Missile Defense Review and the Missile Defense Policy of the Biden Administration. *Herald of the Russian Academy of Sciences (Suppl. 15)*. vol. 92, pp. S1458–S1465. DOI: 10.1134/S101933162221016X.

The Military Balance (2023) London, UK: International Institute for Strategic Studies. 510 p.

Mihal C. (2021) Understanding the People's Liberation Army Rocket Force: Strategy, Armament, and Disposition. *Military Review*. vol. 101-SE, September Special Edition, pp. 220–234.

O'Hanlon M. (2019) *The Senkaku Paradox. Risking Great Power War Over Small Stakes*. Washington, DC: Brookings Institution.

O'Hanlon M. (2022) *Can China Take Taiwan? Why No One Really Knows*. Washington, DC: The Brookings Institution.

Obering H., Heinrichs R. (2019) Missile Defense for Great Power Conflict: Outmaneuvering the China Threat. *Strategic Studies Quarterly*. vol. 13, issue 4, pp. 37–56.

Pettyjohn S. et al (2022) *Dangerous Straits: Wargaming a Future Conflict over Taiwan*. Washington, DC: Center for a New American Security.

Roberts B. (2013) Extended Deterrence and Strategic Stability in Northeast Asia. *NIDS Visiting Scholar Paper Series*. no. 1.

Rogov S. (2021) Global and Regional Stability in the Nuclear World. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. no. 3, pp. 374–387. DOI: 10.1134/S101933162103014X.

Sankaran J. (2021) Missile Wars in the Asia Pacific: The Threat of Chinese Regional Missiles and U.S.-Allied Missile Defense Response. *Asian Security*. vol. 17, issue 1, pp. 25–45. DOI: 10.1080/14799855.2020.1769069.

Schelling T. (2008) *Arms and Influence*. New Haven: Yale University Press.

Schoff J., Takahashi S. (2018) *Strengthening U.S.-Japan Alliance Deterrence*. Tokyo: The Sasakawa Peace Foundation.

Shugart T., Gonzalez J. (2017) *First Strike: China's Missile Threat to U.S. Bases in Asia*. Washington, DC: Center for a New American Security.

Snyder G. (1960) Deterrence and Power. *The Journal of Conflict Resolution*. vol. 4, no. 2, pp. 163–178.

Stepanov A. (2020) China's Concept of Military Security. *Russia in Global Affairs*. no. 2, pp. 188–216. DOI: 10.31278/1810-6374-2020-18-2-188-216.

Thomas J. (2022) Bold and Unprecedented Moves: Building a US-Taiwan Defense Strategy in the Strait of Taiwan and South China Sea. *Journal of Indo-Pacific Affairs*. May.

Zhao Tong (2020) *Narrowing the U.S.-China Gap on Missile Defense*. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace.

Williams I., Shaikh S. (2020) *The Missile War in Yemen*. Washington, DC: Center for Strategic & International Studies.

YanXuetong (1999) Theatre Missile Defense and Northeast Asian Security. *The Nonproliferation Review*. vol. 6, no. 3, pp. 65–74.

Yevtodyeva M. (2022) Development of the Chinese A2/AD System in the Context of US-China Relations. *Herald of the Russian Academy of Sciences (Suppl. 6)*. vol. 92, pp. S534-S542. DOI: 10.1134/S1019331622120048.

Информация об авторе

Криволапов Олег Олегович, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Отдела военно-политических исследований Института США и Канады им. акад. Г.А. Арбатова Российской академии наук. Адрес: 121069, Россия, Москва, Хлебный пер., д. 2/3. E-mail: o.krivolapov@iskran.ru

About the author

Oleg O. Krivolapov, Candidate of Political Science, Senior Research Fellow, Department of Military-Political Studies, Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN). Address: 121069, Russia, Moscow, Khlebny per., 2/3. E-mail: o.krivolapov@iskran.ru

Статья поступила в редакцию/Received: 30.03.2023

Статья поступила после рецензирования и доработки/Revised: 02.05.2023

Статья принята к публикации/Accepted: 06.06.2023